

РЕЦЕНЗИИ

Е.Е. Васильева

ОТЗЫВЫ НА ДВЕ МОНОГРАФИИ Т.А. БЕРНШТАМ

Мне была доверена честь — быть первым «официальным читателем» двух монографий Татьяны Александровны Бернштам. Внутренние рецензии — необходимый этап в процессе перехода рукописи в книгу. С одной стороны, это как будто формальность: авторитет Татьяны Александровны был таков, что практически предрешал прохождение Ученого совета. С другой стороны, уж очень необычны были обе эти книги: и по теме, и по материалу, и по логике развертывания. Рецензии в какой-то мере могли помочь, направить внимание при чтении, облегчить труд обсуждения. То, что они входят в мемориальный сборник, не случайно — Татьяна Александровна считала, что всякому читателю они могут оказаться полезными, и сожалела, что не удалось поместить эти тексты в издания. Вот мы и выполняем ее волю.

Рецензия на рукопись Т.А. Бернштам «Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве (этнографический анализ феномена)». Общий объем — около 25 п.л.¹

В сложном, двусоставном названии книги точно указано соответствие сложившейся стратификации научного знания, чем и как должна заниматься наука. Вместе с тем в названии отражена и история написания книги, и ход работы автора над темой. Начало было простым: было

---

¹ Рукопись тогда еще не приобрела чистовой вид — время было не компьютерное, Т.А. Бернштам писала на машинке, правила, вписывала рукою иногда большие фрагменты, отдавала на перепечатку. Некоторые главы попадали ко мне раньше, чем к машинистке.

обещано продолжение предыдущей книги, «Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры» (Л., 1988). Но развивая тему, автор переводит действие в иную плоскость; раскрывает мир, не освоенный как наукой, так и обыденным сознанием, не вошедший в поле этнического / культурного самопознания. Честное выполнение обещания — раскрыть мыслительное пространство, в котором складывалась и ограничивалась половозрастная стратификация общины вместе с системой переходных обрядов, — приводит в не освоенную этнографией, но органически присущую народной жизни сферу — Веры и церковной жизни.

Особенно свободно и светло выстроены последние разделы третьей главы и четвертая глава. В установленном объеме представлений легко выказывается логика обрядовых действий, как будто фрагментарные сведения соединяются в живую ткань, оказываются соотносенными, истолковываются в присутствии центрального смысла. Сказывается искусство этнографа «разговорить» информанта, которым Т.А. Бернштам как полевик блестяще владеет. На этот раз задача куда сложнее — дать высказаться тысячелетней культуре. Но она вполне удалась.

Исследователь поставила себя в сложное положение, отойдя от привычных, устоявшихся в этнографии, да и в литературе позиций. Этнография не воспитана в историческом уважении к значимости происходивших в духовной жизни народа процессов. Во-первых, потому, что занималась прежде всего «вещественной» стороной народного быта и правила свои выработывала в описании непосредственно увиденного и признанного. Во-вторых, по времени своего формирования, пришедшего на господство позитивизма, а после, и того хуже, советского атеизма, приучена была избегать многих проблем, разве что осторожно трогать их в форме отрицания или недоумения.

Но и церковь не выработала себе ясного последовательного взгляда на народную веру и народную жизнь, не умея разделить идеальное воплощение веры и его становление в длительном, многожды повторяющемся процессе оцерковления жизни. Опыты такие есть, но они не обильны и далеко не общезначимы.

Т.А. Бернштам берет на себя смелость не пугаться жупелов разделения народной души надвое и перетягивания всей важности и самобытности народной культуры то на сторону воображаемого язычества, то в пользу столь же условного (не бывшего) в схематичной чистоте православия. Автор всем пространством книги создает возможно более спокойный подход к описанию невещественного, но свыше всякого другого знания значимого спектра символического мышления,

порождающего конкретные значения, образы, ритуалы. Этот спектр выработывался тысячелетней традицией — в переосмыслении прежде бывшего, в совмещении форм, в многозначности образов. Продолжая добиваться терминологической чистоты, отдавая предпочтение терминам «естественного языка», Т.А. Бернштам находит те немногие слова и рабочие понятия, которые не оскорбляют слух своей новизной, нарочитой объективностью, и в то же время — емкие, свободные от привязанности к контексту однозначного употребления. Создает аппарат, который позволяет работать с материалом, зафиксированным разнообразными источниками: архивными и литературными, этнографическими опросами, богословскими рассуждениями и публицистическими пассажами.

Каково мастерство Т.А. Бернштам в работе с источниками, хорошо известно по всем ее работам, но в данной монографии оно превосходно еще и потому, что основа, которая укладывается из кратко представленных исторических и философских посылок, тут же ткется обилием данных, сведений, составляющих надежную плоть познания. Несомненная заслуга состоит в выработке и описании понятий: частное богослужение (мирские требы), мирской требник, бытовые святы. Не менее важное достижение автора — в историческом восприятии своего сюжета. Выделим только одно обстоятельство: преодолено привычное отнесение язычества к неопределенному «золотому веку», различие между восточно-славянскими народами в плане именно церковной жизни помогает приблизиться к реальной исторической динамике.

Возможно, книга несколько опережает запрос общества. Но надо признать, что необходимость познания целостного мира традиционной культуры насущна и для ученых, и для деятелей просвещения, для образования во всех звеньях, для читающего общества. Имея в виду то обстоятельство, что книга будет затребована очень широким кругом читателей, осмелюсь высказать несколько пожеланий.

1. В работе с книгой поможет справочный аппарат, включающий предметный и именной указатели.

2. В библиографии хорошо было бы выделить раздел начального чтения по темам. Возможно, я не удержала в сознании всю библиографию, но ввести в круг чтения (и собеседников автора) книги Г. Федотова, П. Флоренского, А. Меня было бы в интересах читателя, так как эти работы дают именно удобный «разбег», подготовку к восприятию книги Т.А. Бернштам.

3. Автор имеет право на более четкую формулировку своей позиции, продуманной и прописанной в соответствующих звеньях исследования-

повествования. Чтению это только поможет, хотя бы для того, чтобы собрать возражения и несогласия.

Мне остается добавить сакраментальные фразы — рекомендовать Ученому совету утвердить представленную рукопись к изданию и высказать уверенность в том, что ее публикация безусловно своевременна и составит честь Институту, обогатит науку необходимым полем исследования и взвешенной полнокровной методикой.

Примечание

К сожалению, у меня сохранились только черновики этой рецензии. Я постаралась соединить их в связный текст и не переступить временную границу. Кое-что в изданной монографии (СПб., 2000) изменилось против рукописи — в частности, появилось замечательное заключение. Еще больше изменилось восприятие. Но «Молодость в символизме переходных обрядов» остается книгой, к которой нужно не оборачиваться, но идти вперед.

Отзыв на монографию Т.А. Бернштам «Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии». Общий объем — 35 авт. л., с иллюстрациями.

Представляемая Ученому совету монография Т.А. Бернштам посвящена теме, важность которой парадоксальным образом оказалась засвидетельствована не присутствием ее в проблематике исторических и народоведческих дисциплин практически во всю историю их сложения и развития в России. Народная вера во всех аспектах ее проявления, в процессе постоянного становления сохраняющая энергию традиции, никак не укладывалась в русло интересов какой-либо отрасли знания. При этом зывания к ней, время от времени приобретающие четкое обличье политической спекуляции, дискредитировали и само понятие, и формулировки, и тех, кто пытался честно найти возможность рассказать о самом сердце особенного русского образа жизни, сознания и характера.

Итак, автором избрана тема, перед которой пасовали и описания, и тем паче исследования. При этом важность этой стороны жизни народа осознавалась в достаточной мере для того, чтобы исподволь, между другими разделами, стали фиксироваться и накапливаться сведения, к счастью, сохранившиеся в архивах. Драматическая история попыток обрести голос, найти выход к общественному сознанию описана автором в Прологе, имеющем точное и образное название «Великий и подлинный русский раскол». Заполнение пробела, который продолжает зиять в соб-

ственно церковной истории, не могло входить в задачи этнографа. Очерки первой части, уклоняясь от оценки и исправления действительности, опираются на позитивную картину — реальность приходской жизни, ее пространственную структуру и ритм осуществления. Четкость формулировок создает основу понятийно-терминологического аппарата, который идет от категорий «естественного» языка, свойственного самой мыслительной среде и практике православной жизни и благодаря последовательному раскрытию объема и связей этих понятий входит в сферу языка науки.

Среди вводимых таким образом понятий первостепенную важность имеет домостроительство, отражающее процесс и цель церковной жизни отдельного человека и православного народа в целом. Сложность самой постановки этого ряда проблем очевидна. Эту задачу можно уподобить тому, как трудно было некогда отстаивать иконопочитание перед еретиками и мусульманами. Для почитания образов не нужно было никаких доводов — оно сложилось естественным путем, как живая традиция. Так и жизнь христианства-крестьянства, *церковного народа* не подвергалась фиксации и рассмотрению именно потому, что она была естественной. Ей не было оппозиции, т.е. иной позиции, допускавшей стороннее наблюдение и позитивное знание о предмете. Покуда этот предмет был, все были в нем; «книжные люди» заботились о проповеди, уставе, книгах, и это было дело внутрицерковное. Потом, при развивавшемся скептицизме, критическом реализме и переоценке отношения ко всему старому, предмет исчез из глаз наблюдателей. Эта беспомощность позитивной констатации как болезнь, как немощь поражала даже непосредственных участников церковной жизни, приходских священников, которые писали в периодику или посылали письма-отчеты по статистическим инстанциям. Вполне реальный кризис управления церковной жизнью и анализ этой ситуации заслонили собою то, что никакому кризису не подлежало, а именно — продолжавшуюся живую традицию, процесс постоянного оцерковления и возрастания в вере, запечатленный традициями крестьянской-христианской жизни.

Гуманитарные дисциплины, исторические, социологические, не предполагали возможностью описать эти процессы. Т.А. Бернштам выявляет сам по себе предмет, опираясь на широчайший круг источников — материалы этнографических архивов, публикации периодики XIX–XX веков, полевые фольклорно-этнографические материалы. В этот круг включены и труды историков церкви и богословов, позиции которых порой кажутся несовместимыми с задачами этнографии, но при установлении должной дистанции и объема проблемы они оказываются ор-

ганично сопряженными с конкретными и частными описаниями явлений традиционной культуры. Очерки второй части дают панораму таких явлений.

Работа над монографией завершена, она может быть рекомендована к утверждению в печать. Мне как читателю, знакомившемуся с текстом в процессе его создания, представилась увлекательная возможность наблюдать вызревание проблем, кристаллизацию изложения, которое через осмысление огромного объема освоенного и продуманного материала приходит к прозрачной легкости текста, отточенности формулировок. Издание книги Т.А. Бернштам представляется чрезвычайно важным и своевременным делом. Включение ее в научный обиход поможет связать многочисленные и все еще разрозненные попытки осознать одну из главных тем в истории русской культуры и обрести центростремительные позиции, необходимые для осмысления разнообразных локальных явлений традиционной культуры.

10 мая 2004 года

Е.Е. Васильева,

доцент Санкт-Петербургского университета культуры и искусства,
кандидат искусствоведения

Монография опубликована: СПб., 2005 г. Второе исправленное издание — в 2007 г.